

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Раздел 1. ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДВОРОК: УВО–ОУН, 1920–2023	9
---	----------

1.1. Почти без права на власть. Вызревание предпосылок радикального национализма.....	9
1.2. Мечта — полновластие. УВО–ОУН и Украина между двумя мировыми войнами	28
1.3. «Молодёжь» против «староавстрияков». Раскол ОУН в 1939–1941 годах.....	55
1.4. Зародыш украинской армии? Вооружённые формирования ОУН в сотрудничестве с нацистской Германией.....	66
1.5. От коллаборационизма к Сопrotивлению и обратно за оружием: бандеровцы в годы советско-германской войны	87
1.6. От тоталитаризма к консерватизму. ОУН в эмиграции и возвращение на родину	108

Раздел 2. ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ НАЦИСТСКОЙ ОККУПАЦИИ УКРАИНЫ . . .	124
---	------------

2.1. Рождение громкого наименования: Украинская повстанческая армия Тараса Бульбы-Боровца, 1942–1943.	124
2.2. Начало повстанческой деятельности ОУН(б): борьба с нацистами и их союзниками	132
2.3. Как «народные мстители» мстили народу: малоизвестное из жизни красных партизан.....	155

2.4. Изгнание «угнетателей»: Антипольская акция	173
2.5. Как хозяйничали «буржуазные» националисты на украинской земле	195
2.6. Как повстанцы подготовились к приходу Красной армии: Организационная структура, численность, комплектование и материально- техническое обеспечение УПА и тыловых структур .	201
Раздел 3. ЗА РОДИНУ, НА СТАЛИНА!	220
3.1. Как с УПА не могли справиться в Польше, 1944–1947	220
3.2. Почему они думали, что борьба не безнадежна	235
3.3. Как УПА воевала против Красной армии	243
3.4. НКВД против расшитых сорочек	266
3.5. Охота на «Тура»	285
3.6. Оборотни в вышиванках	299
3.7. Борьба людей антисоветских против людей советских	318
3.8. «Народная» власть плюс советизация всей страны . .	330
3.9. Итог противостояния	340
 Приложения	 348
 Список наиболее часто используемых аббревиатур	 414
 Примечания	 418
 Список использованных источников и литературы	 441

ПРЕДИСЛОВИЕ

«История ОУН(б...). Краткий курс» — так, не без ехидства, называют коллеги эту книгу: по количеству переизданий она потихоньку приближается к бессмертному опусу товарища Сталина. Ключевая разница в том, что это происходит не благодаря, а вопреки госзаказу обитателей Кремля.

Об украинских националистах для русских читателей понятно и без прикрас — таков был изначальный замысел этой работы. Поэтому сложно было предполагать, что книга вызовет такое количество живых откликов и рецензий, а потом вообще запрет. В 2003–2004 годах монография писалась с расчётом, что она будет спокойно принята общественностью к сведению. Ведь целью работы являлось не донесение до любознательных поклонников Клио принципиально нового слова, а простое информирование о малоизвестных страницах восточноевропейской истории. Иными словами, книга носит скорее просветительский, нежели сугубо научный характер. Для тех, кто читает на украинском и польском языках, можно рекомендовать монографии моего покойного друга и учителя Анатолия Кентия¹, а также том Гжегожа Мотыки «Украинские партизаны», но только первое варшавское издание 2006 года, так как в последующих публикациях этого автора проявилась, скажем так, несоветская тенденция.

Свою задачу монография «Между Гитлером и Сталиным» в какой-то степени выполнила, поскольку хорошо стартовала в России, где выдержала два издания — в Петербурге (2004) и Москве (2012), где в связи с событиями в Киеве через два года был пущен доптираж под возрастающий интерес благодарных читателей.

Но весной 2014 года власти не смогли стерпеть популярность монографии у русских и изъяли её из продажи как раз в той стране, для которой работа и предназначалась. Об этом я узнал 12 апреля, когда случайно наткнулся на битую интернет-ссылку, и, протерев глаза, безуспешно продолжил искать томик

в сети. Например, «Яндекс» на запрос «Гогун Буквояд» указывал первым номером в списке найденного монографию «Между Гитлером и Сталиным», но при клике на эту строчку читателя радовало изображение кошечек (оборотней?) и восторженное объявление: «Пустая страница, здесь ничего нет!». Сайт «Лабиринт» при поиске по автору показывал книгу в каталоге «отсутствующей», но при клике непосредственно на эту товарную единицу демонстрировал девочку с письмом (доносом?) около надписи: «Страница, которую вы ищете, затерялась в Лабиринте :(.». В течение нескольких дней монографию убрали из всех торговых сетей Белокаменной².

До настоящего момента не известна судьба тиража — попытки выяснить это ничего определённого не дали. Не вызвало воодушевления и взаимовыгодное предложение — по-тихому переправить две тысячи книг (всего лишь около тонны груза) в Украину. Вероятно, власти предъявили заинтересованным субъектам рынка куда более весомые аргументы, нежели сугубо хозяйственные. Поскольку через один из рупоров режима последовал призыв «Книгу — в топку!»³, не исключено, что тираж просто негласно сожгли где-то на бескрайних просторах многострадальной страны.

Вероятнее всего, сыграло свою роль общее закручивание гаек, в том числе подготовка к вторжению в Украину, принятие Госдумой закона о запрете бандеровской символики.

Кроме того, многократно проверено: любое сопоставление двух усатых вождей вызывает у нынешних властей РФ расчётливый истерический припадок.

Рассуждения о причинах «зачистки» книги остаются предположениями, поскольку никакой филькиной грамоты в виде предупреждения «О недопущении очернительства», требования «Запрета прославления», или, скажем, судебного иска «О защите чести и достоинства» Сталина или Гитлера я не получал и ни о чём подобном не слышал.

Украина стала для восточнославянского мира площадкой свободы — вернулись времена «тамиздата», и после запрета книги в России монография была тут же напечатана в Киеве в 2014 году, а затем в Харькове в 2018 году — оба раза на русском. Проникла работа и в северодунайское языковое пространство, выйдя в 2019 году в городе Тырговиште (Дымбовица). Готовится появ-

ление монографии в западнославянском мире — в Праге. Ни одна обобщающая монография об украинском национализме не стала столь интернациональной, как книга, которую Вы держите в руках.

В целом же за прошедшие два десятилетия читатели восприняли работу положительно.

Наиболее позитивные отзывы последовали со стороны российских академических кругов и украинских журналистов. Встречалась и критика: скажем, известный московский историк Борис Соколов считал слишком острыми ряд оценок ОУН, присутствовавших уже в первом издании работы. В частности, он говорил об этой книге в Риге на конференции⁴ и утверждает по настоящий момент в полемике уже с другим коллегой⁵, что неправомерно называть ОУН тоталитарной партией, они были обычными националистами.

Куда больше дельных замечаний последовало в устной форме от украинских и польских учёных. Внимание обращалось как на конкретные ошибки, так и на общую тональность и стилистику подачи материала.

Это и понятно: то, что близко в территориальном и в национальном смысле, как правило, более знакомо, чем события и явления, отдалённые географически, а теперь вот уже треть века и политически.

Большинство отзывов учтено, в текст внесены соответствующие изменения. На меньшинство же ремарок следует архивный ответ.

Остаётся выразить надежду, что полемичность не усложнила восприятие текста, а оживила повествование.

* * *

В последнюю треть века в Восточной Европе идёт процесс открытия малоизвестных страниц прошлого Советского Союза. Появляются книги по истории Гражданской войны, противодействию коммунизму в межвоенные годы, работы по истории сотрудничества граждан страны Советов с нацистами. Однако такая важная тема, как Соппротивление народов СССР после Второй мировой войны остается совсем неизученной. Поэтому у значительной части читающей публики о литовских, латышских, эстонских и украинских повстанцах сохраняются стереотипы, сложившие-

ся ещё лет сорок назад: «предатели», «наймиты фашистов», «бандиты», «холуи империалистических разведок».

Именно эти штампы по сей день не позволяют многим понять, почему в 1991 году Советский Союз — «нерушимая семья народов» — вдруг взял да и развалился как карточный домик. Одни обвиняют в этом ЦРУ, другие — «глупого Горбачёва», третьи — мифических заговорщиков. Но очевидно, что причиной распада Союза была не только политическая воля Бориса Ельцина, сумевшего реализовать решение о выходе России из состава СССР. Определённую роль сыграл и национализм или патриотизм (кому как нравится) населения не только России, но и других «союзных республик». Ещё во времена Ленина и Сталина многие люди на «национальных окраинах» задумывались о том, как хорошо жить без настойчивой опеки «старшего брата». Некоторые из них не только задумывались, но и брали в руки оружие.

Собственно, об этом и книга — о том, как люди с оружием в руках боролись за нациократию и однопартийную диктатуру вкупе с государственной независимостью, как и почему проиграли.

Чем же может быть интересна история ОУН и УПА? Благодаря советской пропаганде и анекдотам у многих сложилось, в общем, несерьёзное отношение к этому движению.

Однако деятельность украинских националистов заслуживает внимания не только в контексте истории Украины.

Террористом ОУН в 1934 году был убит министр внутренних дел Польши Бронислав Перацкий, повстанцы смертельно ранили командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Николая Ватутина (1944 г.), а также заместителя министра обороны Польской Народной Республики, генерала брони Кароля Сверчевского (1947 г.).

Как видим, операции националистов имели едва ли не международный масштаб.

Получили они и фактическое международное признание — понятно, без дипломатического «оформления». УВО и ОУН сотрудничали на антипольской основе — со спецслужбами СССР⁶, с разведкой Веймарской Германии и Третьего Рейха, Литвой, после войны — со спецслужбами США и Великобритании.

В 1943 и 1944 годах оуновцы тайно вели переговоры с официальными представителями диктаторов Венгрии и Румынии — то

есть произошел негласный выход Повстанческой армии на межрегиональный уровень.

Не меньшее признание получили украинские националисты и у советского руководства. Решение о проведении операций по «ликвидации» руководителей ОУН Евгения Коновальца, Льва Ребета и Степана Бандеры принимали лично Иосиф Сталин и Никита Хрущёв. Сводки и донесения о борьбе с оуновцами, начиная с 1940 года, регулярно ложились на стол к кремлевскому горцу. А то, что занимало его, не может не вызывать любопытства и историка.

К слову, в подавлении национально-освободительного движения «отметился» и Леонид Брежнев. После войны он возглавлял политуправление Прикарпатского военного округа, войска которого участвовали в борьбе с УПА.

На разных этапах своей деятельности повстанцы воевали с немцами, венграми, Советским Союзом, румынами, поляками и чехословаками.

Относительно устроенной УПА этнической чистки спикер сейма Польши в 2009 году издал постановление о том, что резня обладала элементами геноцида⁷.

При этом УПА вышла победителем в межпартизанской войне против польской Армии Крайовой. Да и планы руководства советских «народных мстителей» украинские повстанцы срывали неоднократно.

По силе и способности к сопротивлению УВО–ОУН была уникальной партией-феноменом. Другой политической организации, столь успешно противодействовавшей столь разным и, главное, столь свирепым противникам, в истории ушедшего столетия в Европе не найти. Структура украинских националистов отличалась удивительной прочностью, сочетавшейся со значительной гибкостью.

А вот у военного образования — УПА — аналоги как раз наличествовали. После войны в Латвии, Эстонии и особенно Литве воевали лесные братья. Действия этих партизанских армий были похожи друг на друга. Поэтому, изучив историю одного из движений, можно примерно представить, что происходило на других западных «национальных окраинах» СССР. Следует также учесть, что сквозь УПА прошло людей больше, чем через литовскую, латышскую и эстонскую партизанские армии вместе взятые.

В первую очередь из-за деятельности ОУН и УПА в СССР и ПНР было репрессировано, преимущественно сослано или выслано, не менее одного миллиона украинцев.

Как видим, размах и последствия украинского националистического движения были значительными.

А начиналось всё в 1920 году на развалинах Австро-Венгерской империи, в Праге — с группы националистически настроенных офицеров, преимущественно ветеранов Украинской галицкой армии...

Раздел 1. ОТ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ДО ПОЛИТИЧЕСКИХ ЗАДВОРОК: УВО–ОУН, 1920–2023

1.1. Почти без права на власть. Вызревание предпосылок радикального национализма

Мы повторяем: кроме поляков, русских и, самое большое, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности. Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны...

Именно такова была судьба австрийских славян.

Фридрих Энгельс. Демократический панславизм. 1849 г.

К началу XX века восточнославянские общества накопили огромный тоталитарный потенциал, что было вызвано пережитками и остатками феодализма⁸, особенно крепостничества.

Мощь этих пут и уровень эксплуатации в Галиции к 1848 году были самыми сильными в Европе, если не считать Российскую империю⁹. Однако у украинцев Дунайской монархии, в отличие от восточнославянского населения под властью царя, не было прослойки свободных земледельцев: казаков, вольных крестьян Сибири и Русского Севера. Схожее положение наблюдалось и в Буковине, с той разницей, что там дворянство обычно было немецким или румынским, а не польским.

При этом населённые украинцами земли были едва ли не самыми отсталыми регионами Австро-Венгрии. В 1840 году в Галиции лишь 15% детей школьного возраста посещали школы. Единственной образованной прослойкой украинцев к 1848 году являлись священники греко-католической церкви. До конца XIX века как официальным наименованием, так и самоназванием украинцев Дунайской монархии было русины, и этот этноним лишь в начале XX века был вытеснен словом «украинцы», принятым на территории Российской империи.

Тем не менее положение русинских землеробов ощутимо отличалось в лучшую сторону от положения крепостных в Российской империи. Под сенью петербургского самодержца крестьян можно было де-факто продавать без земли, что нарушало сам принцип крепостничества («крепок земле») и скорее напоминало рабство. А в Габсбургской монархии в 1772–1790 годах — сразу после того как Галиция была отторгнута от Речи Посполитой — император даровал крестьянам хоть какие-то личные права и придал пусть и жестокой эксплуатации упорядоченный, стройный вид. Барщина была ограничена тремя днями в неделю и 156 днями в год с расчётом на одно крестьянское хозяйство, с уменьшением её размера для беднейших групп крестьян. Разрешалось вступать в брак без согласия помещика, выбирать профессию, передавать свою землю в наследство¹⁰, и даже по собственной воле отдавать детей в школы, если таковые существовали поблизости и были доступными. Полную зависимость — *Leibeigenschaft* (буквальный перевод: теловладение) Иосиф II заменил преимущественно феодально-хозяйственной — *Untertänigkeit* (подданство).

Таким образом, нельзя согласиться с украинским диаспорным историком Иваном Лысяком-Рудницким в том, что австрийская власть в первой половине XIX века являлась просвещённым «деспотизмом»¹¹. У галицких землеробов развилось чувство частной собственности.

Вторым не менее важным элементом, отличавшим австрийскую Украину от Центральной России, являлось почти полное отсутствие общинного землевладения и землепользования. Пандрал три шкуры с холопа¹², но с каждого холопа в отдельности. «В ходе столыпинской аграрной реформы в России количество крестьянских дворов в общине уменьшилось с 77,2% в 1905 году до 67–73% в 1916 году, а в Украине, по данным наркомзема